

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ХРОНОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ: М.М. ГОЛУБКОВ «МИУССКАЯ ПЛОЩАДЬ», А.М. ТЕРЕХОВ «КАМЕННЫЙ МОСТ»

Хлебус Марина Александровна

*канд. филол. наук, независимый исследователь (Москва),
mhlebus@mail.ru*

EXISTENTIAL CHRONOSOPHY IN THE MODERN NOVEL: M. GOLUBKOV "MIUSSKAYA SQUARE", A. TEREKHOV "STONE BRIDGE"

M. Khlebus

Summary: The article analyses two texts of the Russian prose of the early 21st century: Mikhail Golubkov's novel «Miuskaya Square» (2007) and Alexander Terekhov's «Stone Bridge» (2009). It explores the category of time and the modes of its artistic embodiment using the example of the way Russian history of the first half of the 20th century becomes an object of writers' creative interest through the value of an individual experience and existence. The article offers a detailed comparison of the concepts of time proposed by the authors in their corresponding works. Various aspects of these novels are analysed through the prism of existentialist philosophy. The three-component structure of the chronotope is singled out as central to the compositional organization of the novels. It is substantiated that in the given works time performs several functions: that of a constructive principle, of a theme, and of the core of philosophical and aesthetic problems.

Keywords: time, Golubkov, Terekhov, chronotope, existentialism.

Романы М.М. Голубкова «Миусская площадь», А.М. Терехова «Каменный мост» были опубликованы с разницей всего в два года. Тексты представляют собой жанровые варианты исторического нарратива: «Каменный мост» – детектив о современном расследовании реального убийства почти шестидесятилетней давности; «Миусская площадь» – мистическая трилогия с элементами булгаковской дьяволиады. Объединяет столь разные произведения интерес авторов к проблеме времени.

Исследователи уже отмечали значимость концепции времени в романе «Миусская площадь». Так, Д.В. Кротова, анализируя модели интерпретации проблемы времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и М. Голубкова «Миусская площадь», указывает, что проблема времени в «Миусской площади» «выходит на первый план» [4]. Критики неоднозначно отнеслись к роману «Каменный мост» А. Терехова, однако известный отечественный литературовед и критик А. Немзер в обзоре финалистов «Большой книги» отметил роман как полотно, призванное «запечатлеть “дух времени”» [5].

Аннотация: В статье рассматриваются модели художественного воплощения категории времени в русской прозе начала XXI века на примере романов Михаила Голубкова «Миусская площадь» (2007) и Александра Терехова «Каменный мост» (2009), где российская история первой половины XX века выступает объектом исследования авторов с точки зрения ценности личного опыта, личного бытия. Проводится сопоставление концепций времени, предложенных авторами в своих произведениях. С опорой на положения представителей философии экзистенциализма анализируется проблематика романов. Рассматривается трехкомпонентная структура хронотопа как основа композиционной организации романов. Обосновывается, что время в анализируемых произведениях является одновременно и конструктивным принципом, и темой, и ядром философско-эстетической проблематики.

Ключевые слова: время, Голубков, Терехов, хронотоп, экзистенциализм.

Цель настоящей статьи – рассмотреть феномен времени в романах с разных позиций, но прежде всего в контексте онтологических принципов философии экзистенциализма.

Обращение современных писателей к исторической тематике, ставшее, по мнению Я.В. Солдаткиной, «общим трендом» [7] литературного процесса 2000–2010-х годов (А. Варламов «Мысленный волк» (2014), Л. Улицкая «Лестница Якова» (2015), Е. Водолазкин «Лавр» (2012), «Авиатор» (2016)), а также появление большого корпуса текстов, в которых авторы ставят и решают проблему времени (М. Шишкин «Венерин волос» (2005), «Письмовник» (2010), А. Слаповский «Победительница» (2009), А. Иличевский «Перс» (2010) и др.), определяет **актуальность** данной работы. **Новизна** материала обусловлена недостаточной изученностью рассматриваемых произведений, а также самой постановкой вопроса.

Полагаем, что категория времени играет магистральную роль в обоих романах и осмысливается авторами в следующих аспектах: 1) как тематика произведения; 2)

как сюжетобразующий элемент; 3) как ядро философско-эстетической проблематики.

В центре внимания писателей сложные моменты русской истории XX века, определенные точки бифуркации и, прежде всего, сталинская эпоха. Герой романа «Каменный мост» Александр Васильевич оказывается втянутым в расследование одного из преступлений прошлого. Это убийство дочери советского дипломата Нины Уманской и самоубийство ее одноклассника Володи Шахурина, сына наркома авиационной промышленности. Трагедия произошла летом 1943 года в Москве на Большом Каменном мосту. А в январе 1945 года таинственно погибли родители Нины. Ее отец – посол Константин Уманский вместе с женой совершали перелет из Мексики в Коста-Рику и их самолет потерпел крушение.

Романное время «Миусской площади» охватывает со- рокалетие, определяющими в судьбах героев становятся 1933, 1937 и 1953 годы. Члены одной семьи: два брата Константин и Борис Грачевы и их сестра Тоня (каждому отведена отдельная часть) в силу служебных обстоятельств так или иначе причастны к печально известным историческим событиям эпохи. Наиболее показательно категория времени подвергается художественному осмыслению в первой и второй частях трилогии.

Таким образом объект исследования обоих авторов – русская история первой половины XX века. Терехов представляет этот период как эпоху «железных людей», вершивших судьбы народов, и готовых ради своих идеалов жертвовать жизнью не только своей, но и близких. Сталин в романе назван Императором или государем. В романе «Миусская площадь» власть предстает мистической силой онтологического порядка, вторгающейся в судьбы героев. По Голубкову, это тяжелая неповоротливая машина, привыкшая «лишь к безусловному подчинению» [2, с. 262]. В символике власти, партийных ритуалах, показательных карательных процессах героям видится проявление чего-то иррационально, необъяснимого.

Проблематика взаимоотношений личности и истории, человека и власти – главный предмет осмысления М. Голубкова и А. Терехова. Эти отношения прослеживаются с позиции личной вовлеченности героев в ход событий.

Так трилогия «Миусская площадь» начинается с размышлений героя – Константина Алексеевича Грачева, успешного чиновника, советского дипломата, занимающегося контрразведкой, – о смерти и о времени. Теперь, в 1973-м, уже старик, он обладает тайным знанием: «почти точной даты завершения своего земного пути» [2, с. 6]. Именно роковая осведомленность о приближающейся смерти побуждает Константина Алексеевича совершить путешествие как в пространстве (из Черёмушек на Ново-

слободскую), так и во времени («из семьдесят третьего в середину тридцатых, точнее, в тридцать третий»). Цель путешествия – «разорвать толщу четырех десятилетий и приблизиться к моменту обретения того рокового знания, которое помогало раньше, но угнетало сейчас» [2, с. 7].

Блуждая по когда-то родным, а теперь до неузнаваемости изменившимся московским улицам, герой последовательно «воскрешает» события 1933 года. Мысли о приближающейся смерти подталкивают героя к вопросам о своем бытии, к необходимости ощутить уникальность собственной судьбы.

На первых страницах «Каменного моста» Терехов также знакомит читателя со своим героем – Александром Васильевичем (фамилии у него нет), но не дает точного определения его профессиональной деятельности. В начале романа он предстает коллекционером, фотолюбителем, который в конце девяностых зарабатывает на жизнь тем, что торгует игрушечными солдатиками на блошином рынке в Измайлово: «собираю оловянных советских (масштабы 1:35 и 1:48) и продаю – лоток “Солдаты СССР”» [9, с. 7]. Героя Терехова заняться делом Уманского, восстановить историческую правду просит еще один персонаж (барыга): «Дорогой мой, я хочу, чтобы вы туда *отправились*. Надо все поменять» [9, с. 16]. Глагол «отправились» автор выделяет курсивом, акцентируя внимание на том, что герой обладает такой возможностью. Для раскрытия образа героя особенно значимо коллекционирование солдатиков. Исследователь-филолог Н.М. Солнцева в книге «Репутация куклы» отводит этой игрушке отдельную главу и дает следующие определения: 1) «Солдатик – информатор времени, его берут в будущее»; 2) «Солдатики – знаки истории»; 3) «Солдатики – знаки бытия» [8, с. 137] Все три дефиниции коррелируют с идеей Терехова, эксплицируют смысл действий персонажа, его интерес к истории в целом.

Согласно взглядам немецкого экзистенциалиста К. Ясперса, именно история выступает как «онтологическое измерение человеческого бытия, раскрывающееся сквозь время, историчность» [3, с. 65].

По мере развития сюжета «Каменного моста» становится очевидным, что подлинная детективная фабула здесь отсутствует. Все дело в главном герое, который, ощутив кризис среднего возраста, вдруг осознает, что «Осталось так мало жизни. Все слиплось, вот в чем дело. <...> Утерян смысл детских игр, передвижений солдатиков в траве, утеряны новогодние радости, сладкие арбузы, наслаждение телом любимой, сладость звучания собственного имени, теплая тяжесть мокрой рубашки под летним ливнем – мир без интереса смотрит на меня» [9, с. 42]. Александр Васильевич внезапно уразумевает, что впереди безоговорочно и непременно его ждет смерть. Так, в фокусе автора оказываются не столь-

ко исторические, сколько личные, душевные переживания героя. «Книга, в общем, о смерти, запах которой так ощутим на руинах бывшей страны; о том, как вцепляется в человека биологический ужас после утраты всех целей и смыслов» – отметил в рецензии писатель и критик Д. Быков [1].

Герои Терехова и Голубкова находятся в пограничных ситуациях: в состоянии отчаяния, одиночества, тревоги, пребывают перед лицом смерти. Существование человека в таких категориях подробно описывали философы-экзистенциалисты (Н. Бердяев, М. Хайдеггер, Л. Шестов, К. Ясперс). Так, по Ясперсу, с погружением в историю «осознается преходящий характер всего. Всему в мире отведено определенное время, и все обречено на гибель» [12, с. 73]. Однако только человек обладает знанием, что должен умереть. Оказываясь перед лицом этой пограничной ситуации, он «познает вечность во времени, историчность как явление бытия, уничтожение времени во времени» [12, с. 73]. Таким образом, осознание истории Александром Васильевичем становится тождественным осознанию вечности.

Категории существования человека в мире (экзистенциалы по Хайдеггеру) могут дифференцироваться на позитивные (любовь, вера, надежда) и отрицательные (страх, одиночество, смерть). Но экзистенция как бытийный базис личности с особой остротой ощущается человеком именно в пограничных ситуациях. Ясперс полагал, что наиболее показательный случай такой ситуации, открывающей конечность экзистенции – это смерть. Хайдеггер считал, что именно страх смерти «уединяет Dasein в его наиболее своем бытии-в-мире» [10, с. 187]. Так, для героев обоих произведений характерно экзистенциальное ощущение смерти, но относятся они к ней по-разному.

Герой Голубкова не боится смерти, он воспринимает ее как то, что ему предстоит, что определенным образом к нему взывает. Тревога, вызванная ожиданием, дает импульс воспоминаниям, делает Грачева зорче к жизни не только настоящей, но и прошлой.

Героя Терехова напротив преодолевают страх и одиночество. Он погружается в кровавую эпоху в поисках ответов: что заставляло сотни тысяч людей сознательно «прыгать в могилы» [9, с. 56], как жить со знанием и ощущением смерти. Для Александра Васильевича дело Уманских становится личным делом. Он арендует офис, нанимает штат сотрудников и в течение семи лет расследует обстоятельства трагедии.

Говоря языком Хайдеггера, предстоящая смерть «размыкает» [10, с. 263] существование героев Терехова и Голубкова, дает импульс к путешествию во времени. По Хайдеггеру и Ясперсу, смысл бытия должен раскрывать-

ся в горизонте времени.

При этом авторы вводят собственные понятия времени. Так Голубков применяет в романе детерминант «свое время», «родное время» имманентное внутреннему миру героя с его богатством воспоминаний и переживаний: «Господи, что же это за пространство такое – время, по которому мы ползем всю жизнь, теряя самое дорогое? И ползем почему-то в одну сторону? Почему отступить-то нельзя, отползти в родное время, в свое» [2, с. 37].

В романе «Каменный мост» Терехов использует понятие «немоё время» [9, с. 499]. В ходе расследования Александр Васильевич постоянно сталкивается с ситуацией упущенных возможностей (свидетели либо уже умерли, либо впали в беспамятство, либо отказываются говорить). Но он продолжает скрупулезно собирать уже бесполезные улики утраченной или намеренно замалчиваемой действительности.

Размышляя о времени, известный культуролог М. Эпштейн выделяет несколько моделей вечности в ее соотношении ко времени. Возможность перемещаться по времени в любом направлении, его обратимость он определяет как «всевременность» [11, с. 91]

Подобную всевременность мы можем наблюдать в анализируемых романах. Авторами высказывается мысль, что время – это иллюзия и может утратить свое главное свойство – необратимость, оно воспринимается как пространство, по которому можно перемещаться в любых направлениях.

«Родное время» Константина Грачева сосредоточилось в четырехугольнике Миусской площади, в сквере, где сидели с братом на лавочке и делились самым сокровенным, где «дышалось легче» [2, с. 40]. Именно смерть позволяет герою освободиться из плена времени, перейти в свое пространство и свое «подлинное время» [2, с. 93]. У Терехова после начала расследования куда бы ни направлялся Александр Васильевич «ноги сами собой выносили к лестнице Большого Каменного моста» [9, с. 676].

Герои Терехова и Голубкова способны нарушать законы физического мира, экспериментировать с ходом времени. Например, поворачивать время вспять. Для героев Терехова и Голубкова время обратимо: «С прошлым можно сделать абсолютно все» [9, с. 17] – утверждает барыга, заказавший Александру Васильевичу расследование дела Уманских. Помимо привычных розыскных мероприятий: опрашивание оставшихся в живых свидетелей, поиск документов в архивах – Александр Васильевич прибегает к странному методу, позволяющему ему путешествовать в прошлое, то есть оказаться на месте преступления.

Во второй части трилогии «Миусская площадь» Бориса Грачева преследует американец Луис Хард, Люстик, оказавшийся в действительности Люцифером искусителем. Он и формулирует идеологему советской политической системы, основанной на постоянной «трансформации прошедшего» [2, с. 198], объясняя Борису, что время в Советском союзе течет вспять: «Ну сам посуди: сейчас вот арестовали Пятакова. Ты что, и впрямь думаешь, что он враг народа? Да не смей меня! Такой же прожженный коммунист, как и вы все! Не хуже и не лучше. Никогда никаким вредительством он не занимался. Но сейчас нужно, чтобы в прошлом он был вредителем, создавал не то партии, не то блоки – и эти партии или блоки, которых не было, вдруг возникают – в прошлом! В прошлом! Понимаешь, Борис, прошлое изменяется!» [2, с. 198].

Еще один эксперимент с ходом времени, используемый в качестве приема в обоих романах – его остановка.

В «Миусской площади» мир замер, все застыли, конечно, по команде Люстика: «Ничего страшного ровным счетом не происходит, уверяю тебя! – объясняет Люстик Борису. – Просто мне очень понравилась твоя мысль, что мгновение может длиться больше века, вот я и решил, так сказать, чуть-чуть приостановить мгновение, чтобы нам с тобой побеседовать» [2, с. 224]. У Терехова Александр Васильевич фотографирует женщин. Фотография здесь выступает символической остановкой времени.

Подобную остановку времени, выпадение из времени М. Эпштейн связывает с другой моделью вечности – «вневременностью» [11, с. 91]: «Вечность утверждается как статика в противоположность динамике времени, по сути, как один из моментов времени, застывший навечно» [11, с. 91]. В этом контексте Эпштейн вспоминает о мечте Фауста Гёте: «Остановись, мгновение, ты прекрасно».

Наконец, авторы «отказывают» времени в существовании. В первой части «Миусской площади» один из персонажей (Вальтер фон Штайн) высказывает мысль о том, что время – это «возможно, самая большая иллюзия», «возможно, что времени-то и нет» [2, с. 34]. У Терехова тщательное расследование, произошедшего в 1943 году на Каменном мосту, бесконечный сбор документов, поиск свидетелей, воспроизведение событий в мельчайших подробностях, по минутам – все это дает главному герою иллюзию возможности реконструкции страшного сталинского прошлого и тем самым «реального» присутствия в нем.

Темпоральная структура обоих романов включает и совмещает две модели времени: линейную и циклическую, где последняя является организующей. Ее функция состоит в придании универсальности изображенным событиям, раскрывающим человеческую природу вообще. Романное время «Каменного моста» устроено так, что

время расследуемого убийства выстроено с максимальной последовательностью и точностью, а вот время расследования нелинейно и без конца путается (годы подменяются месяцами и днями).

В трилогии «Миусская площадь» также представлены обе модели. Например, в первой части с хронологической точностью выстроены события жизни Константина Алексеевича в 1933 году (секретное задание, встреча с немцем Вальтером фон Штайном, поездка в Берлин, гадание цыганки в кафе в Бресте, миссия в Берлине, посещение представления В. Мессинга, предсказание В. Мессинга, гибель Вальтера, возвращение в Москву). Эти главы перемежаются с размышлениями уже престарелого Константина Алексеевича в 1973 году, в последний день его жизни (герой умирает в зале ожидания Белорусского вокзала). Тем самым возникает и реализуется идея хронотопа «сподручного», по М. Хайдеггеру, человеку, примиряющего его с мирозданием.

Следует отметить, что темп повествования в главах, рассказывающих о путешествии старика в 1973 году, значительно замедлен по сравнению с главами, относящимися к событиям 1933 года. Это обусловлено прежде всего восприятием зрелого персонажа: пространство, окружающий мир представлены созерцательно.

Для романа Терехова на всем протяжении повествования характерен динамичный ритм. В архивные материалы, протоколы допросов, справки, расшифровки интервью с очевидцами и свидетелями событий прошлого буквально вшиты комментарии Александра Васильевича, расследующего дело Уманских в начале 2000-х. А последние сто страниц и вовсе – рефлексия Александра Васильевича.

Можно заключить, что структура хронотопа романов Терехова и Голубкова включает три компонента: современность (события 1973 года у Голубкова и расследование дело Уманских в начале 2000-х у Терехова); историю (сталинская эпоха); вечность (поиск героями истины, гармонии, себя). Трехкомпонентная структура хронотопа становится и основой композиционной организации романов.

При всей схожести в осмыслении феномена времени у Терехова и Голубкова существует и принципиальное различие. Для героя «Каменного моста» время – это средство, метод, с помощью которого он ищет ответы на мучающие его вопросы. В «Миусской площади» для Константина Алексеевича время – есть сама цель. Он разрывает толщу десятилетий, чтобы «вернуться» в 1933 год, в свое «родное» время, где его любили, где он был нужен. Смерть становится таким «возвращением».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что романы

«Миусская площадь» и «Каменный мост» – две модели прошлого, осмысленного сквозь призму современности.

Вместе с тем М. Голубков и А. Терехов на конкретном историческом материале утверждают ценность личного бытия, личного времени, следуя философии экзистенциализма, предпринимают попытку в очередной раз актуализировать вопросы о смысле жизни, личной ответственности и об индивидуальной свободе. Содержание романов сфокусировано на экзистенциальном аспекте времени.

Хотя «Каменный мост» написан в жанре исторического детектива и более 800 страниц текста посвящены расследованию драматического происшествия случившегося на Каменном мосту летом 1943 года, его результатов читатель не узнает. Герои романа Терехова – это персонажи, потерявшие свое время, как сталинская элита, или не нашедшие его вовсе, как главный герой Александр Васильевич. Подтверждение тому – открытый финал у Терехова, то есть невозможность какой-либо внятной развязки. По мнению литературоведа и критика С.П. Оробия, обреченность расследования обусловлена не только самим его предметом или спецификой затрагиваемой эпохи, но прежде всего «страхом перед Хроносом» [6, с. 320]. Эта идея автора коррелирует с мыслью

Хайдеггера, который в «Бытии и времени» (1927) связал страх с бесконечной открытостью бытия, вбирающего в себя пугающее богатство возможностей.

В «Миусской площади» герои находят свое время. Время можно предстать в виде карты, на которой «нанесены меты жизни целых государств и просто людей» [2, с. 81]. Время – это пространство, по которому можно перемещаться, как по дачному саду, можно ползти, наконец, вернуться в свое «родное» время.

При этом различии взаимоотношений героев со временем оба художественных текста объединяет сконцентрированность писателей на экзистенциальном феномене времени, на вневременном, вечном по Хайдеггеру и Ясперсу. История в романах проявляется через имманентное восприятие персонажей, помещенных авторами в ситуацию смертности. Смысл бытия для героев Голубкова и Терехова раскрывается во временном континууме. По-разному осознавая конечность экзистенции, они нарушают физические законы мира, открывают для себя «всевременность», познают время в вечности. Завершая сопоставительный анализ произведений, необходимо отметить, что они сопряжены общностью аксиологии, мироощущения и миропонимания, обусловленных близостью экзистенциальной хронософии авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков Дмитрий. Книга номера. Что читать. 2009; № 3. [Электронный ресурс]. – <https://chch-magazine.livejournal.com/6551.html>
2. Голубков М.М. Миусская площадь. Трех поколениям москвичей посвящается. . . : роман-триптих. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 399 с.
3. Квятковский Д.О. Онтологические основы в философии экзистенциализма. Вестник Омского университета. 2016; № 1: 63–67.
4. Кротова Д.В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017; № 4: 96–105.
5. Немзер А. Большая книга вышла на финишную прямую. Время новостей. 2009; 30 ноября. [Электронный ресурс]. – <http://www.vremya.ru/2009/90/10/229899.html>
6. Оробий С.П. Матрица современности: генезис Русского романа 2000-х гг. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. – 360 с.
7. Солдаткина Я.В. Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000—2010-х гг. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017; Т. 22, № 1: 47–54.
8. Солнцева Н.М. Репутация куклы. Москва: Водолей, 2017. – 176 с.
9. Терехов А.М. Каменный мост. Москва: АСТ, 2013. – 830 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В. Бибихина. М: Ad marginem, 1997. – 447 с.
11. Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду. Москва: Колибри, Азбука-Атикус, 2022. – 720 с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Перевод с нем. Москва: Политиздат, 1991. – 527 с.

© Хлебус Марина Александровна (mhlebus@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»